

С.Н. ЛУКАШ
(Армавир)

«РОССИЙСКОСТЬ» КАК БАЗОВАЯ ПАРАДИГМА ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ

Анализируется содержательное наполнение понятия «человек культуры» с учетом российской культурно-педагогической традиции. В качестве примера рассматривается воспитательный потенциал педагогики казачества, в которой актуализируется кросснаучная парадигма «российскость».

Ключевые слова: «российскость», человек культуры, педагогика казачества, культура казачества, традиция, российское образование.

Одним из интереснейших научных событий, произошедших на Юге России в последние годы, стал Международный педагогический форум «Воспитание гражданина, человека культуры и нравственности – основа социальной технологии развития современной России», проводимый научно-педагогической школой академика Е.В. Бондаревской. Форум обозначил ряд важных идей, осмысление и решение которых – задача ближайшего будущего. В выступлении основателя научно-педагогической школы Е.В. Бондаревской было подчеркнуто возрастающее противоречие между российской культурно-педагогической традицией, где духовное и нравственное воспитание всегда рассматривалось как базовая часть образования, и современным уровнем образовательной практики, утрачивающим, в силу ряда причин, одно из своих главных смыслообразующих звеньев – духовно-нравственное воспитание учащихся и студентов [5, с. 8]. Решение этой важнейшей для развития российского образования проблемы, по мнению Е.В. Бондаревской, лежит в плоскости смены существующей методологической парадигмы образования, актуализации онтологического подхода к воспитанию, где главными проблемами воспитания современного человека «становятся духовность, гражданская, культурная, национальная, индивидуально личностная, наконец, глобальная идентичность и его совесть, способность и желание жить по совести» [Там же, с. 13]. Не случайна и конкретизация данной идеи из гносеоло-

гической сферы для сферы реального человеческого бытия, выраженная в названии самого форума: «Воспитание гражданина, человека культуры и нравственности – основа социальной технологии развития современной России». В этой связи хотелось бы остановиться на центральной, на наш взгляд, фигуре данной коннотации – «человек культуры» и определиться с его приоритетами в содержательном наполнении с учетом российской культурно-педагогической традиции.

Кто он – «человек культуры» в научно-педагогической рефлексии современных педагогов-исследователей? Беглый обзор названий работ по проблематике «человека культуры», представленных в сборнике статей IV Международного педагогического форума «Воспитание гражданина, человека культуры и нравственности – основа социальной технологии развития современной России», дает нам такие срезы: «глобальный класс», «сетевая социализация», «языковая личность», «мультикультурная личность», «гражданин мира», и лишь в некоторых статьях становление человека культуры связывается, например, с воспитанием патриотизма.

Данная тенденция весьма характерна для российского образования. В педагогических исследованиях последних лет обсуждаются новые проблемы, связанные с воспитанием у выпускников школ и вузов таких качеств «человека культуры», которые породила глобализация. Это свободоспособность, практикоориентированность, конкурентоспособность, мобильность, компетентность, корпоративность, деловитость, ориентация на результат. При этом нередко забывается тот непреложный факт, что «глобализация инициирует необходимость их воспитания на основе ясно выраженной моральной позиции личности и в единстве с нею» [22, с. 29]. Именно духовно-нравственная составляющая всегда отличала российское образование, и при всех настоятельных попытках приспособить его к западноевропейскому образовательному тренду однозначности в этом вопросе в современном обществе нет. В российской образовательной ситуации обостряются споры вокруг одного из коренных методологических противоречий российской культуры – диалектики традиционного и того, что пытается прийти к нам под видом инновационного, неся, зачастую, явный разрушительный эффект [Там же, с. 38–49]. В российской исторической ретроспекти-

ве данная парадигма выражается в известном противостоянии западничества и почвенничества [21]. Модернизация отечественной системы образования в соответствии с Болонской декларацией встречает в российской действительности естественную преграду на уровне ментальности общества, оформившуюся в виде российской (советской) образовательной традиции, выступающей в данном случае некой «почвенной» основой. Следует отметить, что если модернистская составляющая современной образовательной парадигмы довольно четко рефлексирована и позиционируется (в образовательную систему, например, настоятельно внедряются вестернизированные образчики формирования мировоззрения, оценки знаний, педагогических технологий и т.д.), то традиционная основа образования не в особом почете у современных теоретиков и практиков образования (количество значимых исследований в этой области исчисляется единицами). Во многом такое положение вещей объясняется тем, что в России традиционный предметный опыт и ценности, передаваемые из поколения в поколение, за последнее столетие неоднократно подвергались не только девальвации, но и полному ostracismu. В связи с этим в российском социуме сложились все предпосылки для детрадиционализации общества, т.е. искажения содержания и ослабления роли традиций в его жизни: «...Традиции в современном мире слишком слабы, чтобы быть истинным сопротивлением», – отмечает известный российский теоретик образования А.Г. Бермус [14, с. 114].

В качестве одной из значимых особенностей социального развития, противостоящей тенденции культурной унификации и детрадиционализации, является обращенность в прошлое – характерная черта постсовременного общества, ибо возврат к достижениям прошлых эпох, переосмысление накопленного опыта дают человечеству шанс на подлинный прогресс [13]. Понимание этой проблемы с особой остротой присутствует сегодня в российском обществе. При всех педагогических новациях для современной культурно-образовательной парадигмы весьма значимо обращение к мудрости прошлого, к традиции, ибо «нельзя забывать, что воспитание призвано удерживать национальную традицию, которая является фундаментом восстановления культуросообразных форм бытия современного нам общества» [2, с. 19]. К этому следует добавить, что культура и традиция – взаимодополняющие друг друга категории. Без тра-

диции невозможно представить само существование человеческого общества. Культура без традиций – это нонсенс, несуществующее понятие, ибо только на основе традиций осуществляется самоидентификация человека и культурных сообществ, в них аккумулируется квинтэссенция знаний, опыта и духовной энергетики.

Обращение к истории, культуре и российской традиции особенно значимо в сложный период современного геополитического развития, когда наша страна стойко и последовательно борется за становление многополярного мира. В условиях современных цивилизационных вызовов Россия остается одной из немногих стран, которые, по выражению Президента России В.В. Путина, «не торгуют своим суверенитетом», проводя независимую политику. Выступая на совещании Совета безопасности России 3 июля 2015 г., Президент России подчеркнул: «Необходимо в короткие сроки провести анализ всего спектра потенциальных вызовов и рисков — и политических, и экономических, и информационных, и других, и на этой основе скорректировать стратегию национальной безопасности России» [10].

На современные вызовы глобального мирового сообщества должна, без сомнений, реагировать и система российского образования. За последнее время в этом отношении российское образование сделало уверенные шаги вперед, определив, в частности, целевые ориентиры в федеральных государственных образовательных стандартах: «Современный национальный воспитательный идеал – это высоко нравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [23]. Стандартами определено, что основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации являются базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России. К числу базовых национальных ценностей федеральные государственные образовательные стандарты в том числе относят:

- патриотизм — любовь к России, своему народу, малой родине, служение Отечеству;
- социальную солидарность — свободу личную и национальную, доверие к людям, институтам государства и гражданского об-

щества, справедливость, милосердие, честь, достоинство;

– гражданственность — служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, поликультурный мир, свободу совести и вероисповедания.

Образование, выступая детерминантом социально-экономического состояния страны, улавливает всю остроту мегазадач, стоящих перед Россией, перспективы и цели социальных парадигм, призванных работать на объединение россиян. Российское образование в поисках новых смыслов устремляет свой взор к смежным наукам. «Концептосфера современного воспитания должна обогащаться целым рядом понятий, которые до сих пор разрабатывались в смежных областях гуманитарного знания и не имели своего педагогического содержания», – пишет Е.В. Бондаревская [3, с. 7]. В этой связи понятно и естественно обращение педагогики к историческому регионоведению и появление идеи «культурно-исторической педагогики» (Е.В. Бондаревская). Действительно, без исторической регионоведческой ретроспективы культурных процессов невозможно осуществление ни культурной самоидентификации, ни определения смыслопорождающих ориентиров содержания изучаемых знаний, т. е. всего того, что является базовым в идеях лично ориентированного воспитания. С опорой на российскую культурно-историческую педагогическую традицию, а также на такие базовые общероссийские ценности, как гражданственность, патриотизм, справедливость, и следует обратиться к содержательному анализу тех идей, которые составляют единую ткань российской культуры, «работают» на целостность, на «российскость» нашей державы, спланивая нацию в единое целое. Именно на этом поле, в первую очередь, и следует искать содержательное наполнение понятия «человек культуры». Очень важно, чтобы эти идеи не были искусственными, а произрастали из российской специфики, увязывались с российской ментальностью и региональным своеобразием. В исторических условиях юга России такой культурологической образовательной ценностью обладает концепция «российскости», предложенная кавказоведческой научно-педагогической школой академика В.Б. Виноградова [9]. Под идеей «российскости» понимаются, прежде всего, обретение народами, входящими в состав Российского государства, российского самосознания, их интеграция в общекультурное российское поле, признание России своим Отечеством, выработка общих культурно-

воспитательных парадигм. Концепция базируется на постулатах существования наряду с официальной «имперской» Россией другой России – всегда готовой к взаимодействию с регионами, бережно хранящей свое главное богатство – многонациональный состав. Поле «российскости» – богатейшее и благодатнейшее пространство для исторического, философского, этнопсихологического, педагогического понимания российской цивилизации, и оно ждет своего осмысления в дискурсе этих наук. Ярким выражением парадигмы «российскости» выступает культура российского феномена – казачества.

В процессе своего развития казачья культура выработала некие социальные парадигмы, которые обрели метакультурный характер и вышли в своих ценностных основаниях за пределы субэтнической и сословной сущности казачества, сделавшись центрами общенационального единения и сплочения россиян [6; 11; 12]. Казачество как особое военное сословие, носитель государственной и, в определенной мере, мессианской идеи, несло еще в своем статусе и все признаки «российскости», выступая первым проверенным в деле алгоритмом «совместничества» России и включаемых в ее орбиту народов. Российское государство в концепции «российскости» выступает зачастую как опосредованный фактор, а ведущее значение приобретают непосредственные контакты народов между собой, их воздействие и взаимовоздействие. «Если официальная “державность” диктовала и признавала одну (“верноподданническую”) тональность, то РОССИЙСКОСТЬ воплощалась в куда более пёстрых и гибких формах взаимодействия и даже взаимовоздействия» [8, с. 5]. В этом плане казачество, выступающее авангардом движения России на Юг и Восток, брало на себя с успехом миссию «российскости», успешно позиционируя российскую культуру и осуществляя культурные заимствования у новых народов. Наиболее ярко этот процесс наблюдался в культуре терских и кубанских казаков, заимствовавших элементы быта, одежды, оружия у горцев. Однако и горцы переняли у казаков немало: способы ведения сельского хозяйства, сельскохозяйственную технику, усовершенствовали строительство домов и т.д. Взаимопроникновение происходило не только на уровне быта и ментальности. Известны примеры, когда, попадая в среду другого народа, казаки, беря в жены местных женщин, быстро приобретали автохтонные черты, привнося в новую среду идеи православия, социального единства, служения Отечеству [19]. «Интеграция и партнёрство в со-

циокультурной и иных сферах дополнялись... формированием с XVIII в. у народов... российского самосознания, осознания себя россиянами на основе общей государственности и интеграции, выработки общих культурных черт», – отмечает С.Л. Дударев [16, с. 12].

Примечательно, что некоторые казачьи войска – Терское, Оренбургское, Сибирское, Забайкальское, Якутский казачий полк – к началу XX в. являли собой многонациональные образования, что позволило отдельным исследователям говорить о собственно «русском казачестве» как этносоциальной части русского народа и о российском казачестве, в которое могли входить казаки разных национальностей и вероисповеданий [1]. И хотя роль «иногородной» составляющей казачьих войск оценивается как незначительная, важно обозначить общую тенденцию, вводящую народы России в культурно-историческое поле казачества, выполняющего роль своеобразного «плавильного котла» в формировании российской национальной идентичности.

Другим несомненным достижением казачьей культуры явилось то, что она внесла свою весомую лепту в консолидацию общественного сознания вокруг формирования совершенного образа человека российской национальной культуры. Идеалы казачьего образа жизни в XIX в. находят своих сторонников среди представителей разных сословий: крестьян, мещан, дворянства и даже высшей аристократии [4; 12]. Великие русские писатели в поисках примеров лучшей народной доли обращаются к казачеству, его социальному устройству, его ценностям и идеалам, видя в них приемлемые формы и смыслы жизни для русских людей. Л.Н. Толстой в своих дневниках писал: «Будущность России – казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого... Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности... Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик, который говорит: пусть запишут нас в казаки и земля будет вольная. Эта идея имеет будущность» [7].

К середине XIX в. в общественном сознании впервые, во многом благодаря высоким оценкам казачьих идеалов и социальных ценностей со стороны таких российских писателей-гуманистов, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, формируется совершенный образ-идеал человека российской национальной культуры. Основу самосознания такого человека – па-

триота своего края и Родины-России, характеризующегося высокой степенью духовно-психологической и практической готовности к защите Отечества, приверженного демократическим формам устройства жизни и свободному землепользованию внутри общины, экономически самодостаточного, с высоким личностным статусом, в то же время с православной духовно-соборной ментальностью, ответственного за свою жизнь перед Богом и обществом (казачьим миром) – составляли воспитательные ценности, идеалы и смыслы казачьей культуры [20].

Таким образом, рассматривая казачество как российский феномен, с точки зрения этнологии и социальной педагогики, правомерно говорить о культуре казачества как об интегрирующей составляющей российской нации. В своем российском культурогенезе казачество, выступая как этносоциальное явление, выполняло еще и чрезвычайно важную объединительную функцию в создании некоей евразийской общности – российского суперэтноса (русской нации или россиян – как принято говорить сегодня). Подобный посыл весьма значим, поскольку устанавливает историко-социальные связи и объединительные парадигмы, работающие на целостность российской государственности и единение россиян, что является важным фактором общественно-государственного строительства современной России. Такие стержневые ценности казачьей метакультуры, как «служение Отечеству не за страх, а за совесть»; народовластные, демократические основы мироустройства; свободное личностное развитие; патриотизм и державность; труд как основа казачьего жизнеустройства, чрезвычайно востребованы в социальной жизни современного российского общества, пытающегося найти адекватные ответы на вызовы современности. Вполне правомочно в этой связи говорить о воспитательном потенциале казачьей культуры, рассматривая его как общенациональную российскую культурно-образовательную ценность, воплощающую парадигму «русскости», народовластный вектор российского социального развития и образующую плодотворное воспитательное пространство для трансформации традиций прошлого в инновации сегодняшнего дня [Там же].

Ценностные парадигмы культуры казачества во многом способствовали научному оформлению педагогики казачества – социокультурной концепции воспитания, основанной на традициях и инновациях культуры ка-

зачества Юга России. В образовательном пространстве Юга России педагогика казачества как инновационный процесс за последнее десятилетие заняла достаточно прочное место [15; 20]. В Ростовской и Волгоградской областях, в Краснодарском и Ставропольском краях во всю силу проявился поистине народный феномен педагогики казачества. Сегодня это тысячи классов казачьей направленности; десятки школ, профессиональных училищ, лицеев со статусом «казачьи»; многочисленные кадетские казачьи корпуса; молодежные клубы; детские дошкольные учреждения, реализующие региональный «казачий» образовательный компонент. Это десятки тысяч учащихся и их родителей, учителей казачьих классов, казаков – кураторов, священнослужителей, объединенных в едином воспитательном пространстве педагогики казачества. Все эти люди, используя, как правило, авторские разработки, методом проб и ошибок торят дорогу в непростой социально-педагогической среде Юга России, сталкиваясь зачастую с непониманием и пессимизмом окружающих.

В педагогике казачества приоритет в воспитании принадлежит российским культурно-национальным идентификаторам – смыслам, ценностям, идеалам, ментальности. Сила педагогики казачества – в ее актуальной для развития современного российского социума аксиологической основе, в которой представлен живой истинно народный опыт российского народовластия; идея осмысленного служения Отечеству; парадигма справедливости, выражающаяся в адекватном вознаграждении за результаты человеческого труда; идея воспитания свободной личности, укорененной в своей малой родине; идея защиты, сбережения жизненного пространства с ценностями народовластия, свободного развития личности, патриотизма, державности.

Воспитательной целью в педагогике казачества, реализуемой в современном российском образовательном пространстве, выступает человек российской национальной культуры, воплощающий в себе традиции «российскости», открытый для восприятия других культур, активно реализующий себя в различных профессиональных, гражданских, общественных, семейных и иных отношениях, соизмеряющий свои действия с ценностями, исторически присущими казачьей культуре, как то: свобода, народовластие, патриотизм, социальная ответственность, культурный плюрализм, служение Отечеству «не за страх, а за совесть».

Символично и то, что идея «российскости» – одна из основ педагогики казачества – оценивается некоторыми учеными как кросс-научная парадигма. Так, президент Академии истории политологии Л.И. Кузеванов подчеркивает: «Думается, что понятие “российскость”, выработанное школой В.Б. Виноградова, имеет комплексное значение и может войти в систему понятий ряда наук и, прежде всего, российской педагогики. Воспитание “российскости” – важнейшая задача всех уровней российской школы, всех социальных институтов общества». Ее реализация поможет воспитать гражданина XXI в., во многом будет содействовать укреплению стабильности российской цивилизации [18]. В изложенном контексте нам представляется весьма важным определиться с приоритетом в содержательном наполнении понятия «человек культуры», коим, по нашему мнению, выступает кросс-научная парадигма «российскости».

Список литературы

1. Аверьянов Ю.Г., Воронов А.А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 139–140.
2. Бондаревская Е.В. Концепция и стратегия воспитания студентов в культурно-образовательном пространстве педагогического института ЮФУ / под ред. В.И. Мареева. Ростов н/Д., 2007.
3. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированное воспитание как смыслопорождающий процесс (становление теории) // Известия Южного отделения РАО. Вып. VI. Ростов н/Д., 2004. С. 3–7.
4. Борисов Б.П. Добровольная ассимиляция как фактор этногенеза казачества // Кубанец: Донской атаманский вестник. 1996. № 2. С. 55–56.
5. Воспитание гражданина, человека культуры и нравственности – основа социальной технологии развития современной России: материалы IV Междунар. пед. форума. Т. I. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.
6. Великая Н.Н. О преемственности в развитии отечественной исторической науки // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2008. С. 48–50.
7. Виноградов В.Б. Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. Грозный, 1959. С. 101–104.
8. Виноградов В.Б. Российскость как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российскость в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 3–11.
9. Виноградов В.Б. Процесс осознания «российскости» в исторических судьбах Северного Кавказа (историографический обзор) // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди / под ред. С.Л. Дударева. М.–Армавир, 2006. С. 14–17.
10. Выступление Президента России В.В. Путина на Совете национальной безопасности 03.07.2015 г.

URL: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/politics/in-russia/27294-vladimip-putin-possiya-suvepenitetom-ne-topguet.html>.

11. Голованова С.А. Казачество как идея и как идеал // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы V Междунар. Кубанско-Терской конф. / под ред. В.Б. Виноградова, С.Н. Лукаша. Краснодар–Армавир, 2006. С. 17–18.

12. Голованова С.А. «Иногородцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: материалы Всерос. науч. конф. Ставрополь, 2001. С. 205–207.

13. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 21.

14. Гуманитарная методология исследования модернизационных процессов в педагогическом образовании: монография / под ред. Е.В. Бондаревской. Ростов н/Д., 2013.

15. Долуда Н.А. Кубанское казачество: великая судьба. URL: <http://kazakirossii.ru>.

16. Дударев С.Л. Новое слово о «российскости» // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 11–13.

17. Из дневника Л.Н. Толстого // История Кубани в русской художественной литературе. Вторая половина XIX – начало XX в.: хрестоматия к интегрированному учеб. курсу для школ, гимназий, лицеев и вузов. Армавир, 2004. Ч. II. С. 58–59.

18. Кузеванов Л.И. Неклассическая концепция историй // Российский исторический журнал. 1996. № 3. С. 11–13.

19. Левандовский А. Сибирь из нас «не вытянешь...» // Родина. 1995. № 2. С. 99.

20. Лукаш С.Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям: монография. Майкоп: Полиграф – Юг, 2012.

21. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 57–162.

22. Модернизация педагогического образования в инновационном пространстве федерального университета: монография / под ред. Е.В. Бондаревской. Ростов н/Д., 2012.

23. Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo>.

* * *

1. Aver'janov Ju.G., Voronov A.A. Schast'e byt' kazakom // Nash sovremennik. 1992. № 3. С. 139–140.

2. Bondarevskaja E.V. Konceptcija i strategija vospitanija studentov v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve pedagogicheskogo instituta JuFU / pod red. V.I. Mareeva. Rostov n/D., 2007.

3. Bondarevskaja E.V. Lichnostno-orientirovannoe vospitanie kak smysloporozhdajushhij process (stanovlenie teorii) // Izvestija Juzhnogo otdelenija RAO. Vyp. VI. Rostov n/D., 2004. S. 3–7.

4. Borisov B.P. Dobrovol'naja assimiljacija kak faktor jetnogeneza kazachestva // Kubanec: Donskoj atamanskij vestnik. 1996. № 2. S. 55–56.

5. Vospitanie grazhdanina, cheloveka kul'tury i npravstvennosti – osnova social'noj tehnologii razvitiya sovremennoj Rossii: materialy IV Mezhdunar. ped. foruma. T. I. Rostov n/D.: Donizdat, 2012.

6. Velikaja N.N. O preemstvennosti v razvitiij otechestvennoj istoricheskoi nauki // Voprosy juzhno-rossijskoj istorii. M.; Armavir, 2008. S. 48–50.

7. Vinogradov B.S. Kavkaz v tvorcestve L.N. Tolstogo. Groznyj, 1959. S. 101–104.

8. Vinogradov V.B. Rossijskost' kak paradigma severokavkazskogo istoriko-kul'turnogo edinstva v sostave Rossii // Rossijskost' v istorii Severnogo Kavkaza. Armavir, 2002. S. 3–11.

9. Vinogradov V.B. Process osoznanija «rossijskosti» v istoricheskikh sud'bah Severnogo Kavkaza (istoriograficheskij obzor) // Rossijskij Severnyj Kavkaz: fakty, sobytija, ljudi / pod red. S.L. Dudareva. M.–Armavir, 2006. С. 14–17.

10. Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na Sovete nacional'noj bezopasnosti 03.07.2015 g. URL: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/politics/in-russia/27294-vladimip-putin-possiya-suvepenitetom-ne-topguet.html>.

11. Golovanova S.A. Kazachestvo kak ideja i kak ideal // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy V Mezhdunar. Kubansko-Terskoj konf. / pod red. V.B. Vinogradova, S.N. Lukasha. Krasnodar–Armaivir, 2006. S. 17–18.

12. Golovanova S.A. «Inorodcy» v jetnukul'turnom prostranstve kazakov Tereka // Severnyj Kavkaz: geopolitika, istorija, kul'tura: materialy Vseros. nauch. konf. Stavropol', 2001. S. 205–207.

13. Gulyga A. Russkaja ideja i ee tvorcy. M., 2003. S. 21.

14. Gumanitarnaja metodologija issledovanija modernizacionnyh processov v pedagogicheskom obrazovanii: monografija / pod red. E.V. Bondarevskoj. Rostov n/D., 2013.

15. Doluda N.A. Kubanskoe kazachestvo: velikaja sud'ba. URL: <http://kazakirossii.ru>.

16. Dudarev S.L. Novoe slovo o «rossijskosti» // «Rossijskost'» v istorii Severnogo Kavkaza. Armavir, 2002. S. 11–13.

17. Iz dnevnika L.N. Tolstogo // Istorija Kubani v russkoj hudozhestvennoj literature. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.: hrestomatija k integrirovannomu ucheb. kursu dlja shkol, gimnazij, liceev i vuzov. Armavir, 2004. Ch. II. S. 58–59.

18. Kuzevanov L.I. Neklassicheskaja koncepcija istorij // Rossijskij istoricheskij zhurnal. 1996. № 3. S. 11–13.

19. Levandovskij A. Sibir' iz nas «ne vytjanesh'...» // Rodina. 1995. № 2. S. 99.

20. Lukash S.N. Kazachestvo Juga Rossii: ot tradicij k innovacijam: monografija. Majkop: Poligraf – Jug, 2012.

21. Lotman Ju.M. Sovremennost' mezhdru Vostokom i Zapadom // Znamja. 1997. № 9. S. 57–162.

22. Modernizacija pedagogičeskogo obrazovanja v inovacionnom prostanstve federal'nogo universiteta: monografija / pod red. E.V. Bondarevskoj. Rostov n/D., 2012.

23. Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vtorigo pokolenija. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo>.

“Russianness” as the basic paradigm of a culture man

There is analyzed the notion “culture man” taking into consideration the Russian cultural and pedagogic tradition. As the example there is considered the educational potential of the pedagogy of the Cossacks, which emphasizes the cross-scientific paradigm of the “Russianness”.

Key words: *tradition, “Russianness”, a culture man, pedagogy of the Cossacks, culture of the Cossacks, Russian education.*

(Статья поступила в редакцию 20.01.2016)

Е.Л. ПИРОЖЕНКО, В.В. АБРАУХОВА
(Ростов-на-Дону)

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГА В ИННОВАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научно обоснованы понятия «инновация», «творческий потенциал». Выявлены особенности и раскрыты компоненты профессии «Педагог дополнительного образования». Обозначены условия эффективности форм организации методического сопровождения профессионального мастерства педагогов в инновационном пространстве учреждения дополнительного образования.

Ключевые слова: *творческий потенциал, инновационное пространство, педагог дополнительного образования, формы методического сопровождения.*

Современное состояние российского общества характеризуется активным внедрением инноваций во все сферы экономической, политической и социальной жизни. Стремительно

меняются социальные установки и требования к организации образовательного процесса, определяются новые концептуальные подходы к построению всей сферы образования, происходит реорганизация функциональных компонентов педагогической деятельности. В условиях происходящих изменений предъявляются высокие требования к профессиональным знаниям, умениям и навыкам специалиста, уровню его личностного саморазвития и творческой самореализации в практической деятельности. Профессиональный стандарт педагога определяет единый подход к профессиональным компетенциям специалистов и призван раскрепостить педагога, дать новый импульс его развитию. Значимым положением для образовательных учреждений является возможность дополнения профессионального стандарта внутренним стандартом образовательного учреждения в соответствии со спецификой реализуемых в данном учреждении образовательных программ [12].

Ценностный статус дополнительного образования как уникальной и конкурентоспособной социальной практики наращивания мотивационного потенциала личности и инновационного потенциала общества закреплен в Концепции развития дополнительного образования детей [7], что стало определяющим условием реализации кадровой политики учреждений дополнительного образования.

Прогрессивное начало, по сравнению со сложившимися традициями, является главным показателем инновационного развития учреждения. Инновация (от лат. in – в, novus – новый) в философском, социально-психологическом и культурологическом аспектах обозначает нововведение, новшество, порождающее значимые изменения способов, механизмов, результатов и содержания самой деятельности [1]. В педагогической науке инновации определяются прогрессивным изменением отдельных частей, компонентов и самой образовательной системы в целом [10]. Инновационное образовательное пространство нами рассматривается как ряд определенным образом связанных между собой условий, которые способны оказывать влияние на участников образовательного процесса. Содержание инновационного образовательного пространства учреждения характеризуется конкретизацией смыслообразующих задач, свободой выбора образовательных программ, практико-ориентированной направленностью образова-